

Александр Бикбов

Тематизация «личности» как индикатор скрытой буржуазности в государстве «зрелого социализма»*

Образ режима вне времени нередко доминирует при описании советской истории, где синонимом «советского» выступает одновременно «тоталитарное» и «неподвижное»¹. Этический посыл, который оправдывает использование этих характеристик, обеспечивает вместе с тем и сильный эстетический эффект, поскольку поддерживает по-своему экзотический и убедительный образ сурового порядка, расцвеченного исключительно в серые и стальные тона. Между тем, эволюция официальной риторики и словаря гуманитарных наук, напрямую встроенных в воспроизводство режима «научного социализма», дает представление о глубоких сдвигах в основаниях этого режима — не всегда объявленных символических революциях. Триумфальный возврат в 1960-х понятия «личность» в словарь гуманитарных наук и официальной риторики является индикатором одного из таких сдвигов. «Личность» приобретает привилегированное место в интеллектуальных и политических иерархиях СССР вслед за официальным разоблачением культа личности — заставляя несколько поспешно предполагать, что единственным индивидом, чье право на личность прежде признавалось официально, был И. Сталин. Объявленной административной революцией конца 1950-х становится десталинизация политического режима.

Однако поворотным моментом в серии проектов советской цивилизации оказывается не столько внутривластная критика сталинизма Н. Хрущевым,

* *Опубликовано в:* Персональность: Язык философии в русско-немецком диалоге /Под ред. Н.С. Плотникова, А. Хаардта, при участии В.И. Молчанова. М., 2007.

¹ Уже в одном из наиболее известных текстов-моделей, давших определение тоталитаризма, можно наблюдать это замещение, когда авторы указывают на возможности внутренних изменений режима при сохранении его природы: Friedrich C., Brzezinski Z. *Totalitarian dictatorship and autocracy*. Cambridge: Harvard university press, 1965.

сколько предложенные им пути «возврата» к ленинской модели. Менее заметная и при этом более масштабная символическая революция разворачивается не в той области политического языка и мышления, где поставлен под вопрос «культ одной личности», а там, где «личность трудящихся» соединяется с их «благополучием». С этой точки зрения крайне показательна критика, в свою очередь, адресованная государственной администрацией КНР новому советскому руководству, в частности, упреки в ревизионизме, которые звучали с позиций ортодоксального, аскетически-милитаристского представления о пролетарской революции, вполне согласующейся с официальной риторикой сталинского периода. В конечном счете, не оказывается ли, что в столкновении двух воображаемых, отдающих приоритет или самоотверженному подъему (масс), или росту (индивидуального) благополучия, была заключена гораздо более серьезная коллизия, чем узнаваемый конфликт между двумя коммунистическими ортодоксиями, с одинаковым пылом обвиняющими друг друга в ереси?

Понятие в символическом и социальном порядке

Выстраивая генеалогию отдельного политического или научного понятия, мы так или иначе вычленим его из обширных и подвижных дискурсивных массивов, которые отсылают к различным способам видеть социальный мир и соответствующим образом им распоряжаться. В противоположность логической абстракции языка², при обращении к его социальной реальности, невозможно установить однозначное соответствие между понятием и классом объектов. Единичное политическое понятие не имеет «собственного» объектного значения и приобретает таковое только в подвижной и насыщенной вариантами сети, которую оно образует с другими понятиями, даже (если не прежде всего) когда речь идет о таких ригидных на первый взгляд символических системах, как официальная государственная риторика или политически цензурируемый язык

² С которой работали, например, Г. Фреге или члены Венского кружка, пользуясь в качестве образцовых элементарными суждениями обыденной речи или редуцированными естественными обобщениями.

социальных и гуманитарных наук. Понятие «личность», смысл которого меняется в начале 1960-х в контексте всей категориальной системы советского режима, пришедшей в движение, дает яркое тому подтверждение.

Социальный смысл понятия задается прежде всего его «ценностью» (пользуясь сосюровским термином): положительной/отрицательной коннотацией, которой нагружают его понятия того же семантического гнезда или тематические связи в ближайшем контексте. В той мере, в какой в 1920-30-е годы официально лицензированная критика обращена на капиталистические отношения, но также на индивидуалистические, мелкособственнические и мелкобуржуазные тенденции в быту и производстве, «коллективное» превращается в господствующее определение нового стиля жизни. В свою очередь, в самых различных контекстах «личность» переопределяется как единица коллектива: «С точки зрения класса в проведении плана есть неизбежный элемент борьбы... Этому плану и дисциплине должно подчиниться и право отдельной личности на труд»³. Показательно и обыденное употребление понятия в политической риторике 1930-х: «личность» (в отличие от «личного»: «личный контакт», «личное участие») чаще фигурирует в негативно нагруженном контексте: «Я имею в виду хорошо известные нашей общественности антисоветские судебные процессы по искам всяких темных личностей, стекавшихся в Париж из разных стран и неизменно получавших от французского суда удовлетворение по своим дурым претензиям к нашим хозорганам»⁴ или «Это — махровый контрреволюционер, несомненно большой интриган, несомненно утонченный палач и совершенно бездарная личность»⁵.

В научной реальности изменение ценности понятий получает вполне отчетливое институциональное выражение, например, в виде отметивших конец 1920-х гг. чисток в университетской среде и Академии наук, направленных против «буржуазных элементов», которые противодействуют коллективному духу и насаждают индивидуализм⁶. На протяжении 1930-50-х гг. административное преимущество почти неизменно сохраняют сторонники «классового подхода» к

³ Гнедин Е. В Стране Советов нет безработицы// Известия, 7 ноября 1930. С. 6.

⁴ Доклад предсовнаркома т. Молотова VI Съезду Советов// Известия, 11 марта 1931. С. 3.

⁵ Речь тов. С.С. Каменева// Известия, 11 марта 1931. С. 3.

знанию и «науки на службе практики». Их доминирование в органах научной администрации гарантирует постоянство этой семантической асимметрии между «коллективным» и «общественным» с одной стороны, «индивидуальным» и «личным» с другой.

В свою очередь, нарушение асимметрии и возвращение в легитимный научный словарь понятия «личность», наделенного самостоятельной позитивной ценностью⁷, характеризует изменение не только семантического баланса в советском официальном и научном дискурсе, но и баланса политических сил внутри государственной и научной администрации⁸. Категориальные сдвиги, в ходе которых «личность» занимает ключевое место в языке социальных и гуманитарных наук, происходит вслед за институционализацией или укреплением позиций самих дисциплин, в частности, психологии и социологии⁹. Именно потому позднесоветскую историю этого понятия было бы совершенно неверно рассматривать как момент «внутренней» истории науки или «чистой» динамики ее языка — если о таковых вообще можно вести речь. Перипетии тематизации «личности» составляют часть *политической истории понятий*, которая в 1950-60-е гг. характеризуется серьезным сдвигом в определении реальности: одновременным формированием новых мыслительных схем и их институциональной инфраструктуры, закрепленных за этим понятием.

Таким образом, чтобы установить смысл отдельного понятия, необходимо уйти от «точной», дисциплинарно ограниченной, реконструкции языка социологии или психологии позднесоветского периода и обратиться к тому *общему*,

⁶ Graham L. The Soviet Academy of Sciences and the Communist Party, 1927-1932. Princeton: Princeton University Press, 1967. Ch. 1.

⁷ Об использовании понятия «личность» в социальных науках 1960-х см., в частн.: Ольшанский В. Личность в российской социологии и психологии// Социология в России /Под ред. В.А.Ядова. М.: Институт социологии РАН, 1998.

⁸ Об общем изменении баланса сил, в частности, в Академии наук и вызванных им институциональных сдвигах см.: Иванов К.В. Наука после Сталина: реформа Академии 1954-1961 гг.// Наукосведение, № 1, 2000.

⁹ В 1955 г. создается центральный и единственный до 1977 г. дисциплинарный журнал «Вопросы психологии», в 1959 проходит I съезд Общества психологов, в 1966 г. создается факультет психологии МГУ, с 1968 г. присуждаются ученые степени по психологии. Менее устойчивую институциональную позицию получает социология: в 1957 г. учреждается Советская социологическая ассоциация, в 1968 — Институт конкретных социальных исследований АН СССР. Первый дисциплинарный журнал «Социологические исследования» учрежден в 1974 г., а первые университетские факультеты создаются только в 1989 г.

что есть в категориальной структуре официальной политической риторики и социальных/гуманитарных наук. В каких условиях сохраняется эта общность оснований политических и научных классификаций в длительной перспективе? Парадоксальным образом, единство смыслового пространства обеспечивается не «тоталитарной» неподвижностью, но, напротив, эволюцией институциональной инфраструктуры советского режима.

Прежде всего, генезис самих политических классификаций исходного периода 1920-30-х далек от внутрибюрократических или собственно политических. Понятия и типологии, разработанные в отдельных версиях философии, литературоведения, биологии и даже математики *становятся* политическими по мере устранения специализации в разделении символического труда между учеными и политиками. Не только И.Сталин признается авторитетным лингвистом и экономистом или А.Жданов — литературоведом, но равно Т.Лысенко и П.Капица или И.Курчатов озабочены «государственным значением» научных исследований. В практическом измерении доминирующий принцип «классового характера науки» означает, помимо прочего, постепенное формирование единого административного пространства и пространства взаимных ссылок между выразителями научных и политических интересов.

Уже в 1930-х, когда Академия наук из почетного клуба преобразуется в централизованное научное предприятие¹⁰, а, например, профессиональная литературная деятельность регламентируется государственным бюрократическим органом, Союзом писателей, это общее пространство получает первичную институциональную форму. Ряд реформ с конца 1950-х производит окончательное объединение пространств государственной администрации и науки, превращая научную карьеру в разновидность бюрократической. Этот эффект в конце 1950-х – середине 1960-х так же явствен в социальных/гуманитарных дисципли-

¹⁰ Это прослеживается по нескольким показателям: создание сети исследовательских институтов, рост общей численности сотрудников, изменение соотношения между почетными членами и «рядовыми» исследователями. Так, в 1917 г. число научных сотрудников превышает число академиков всего в 2 раза, в 1927 г. это соотношение составляет уже 15, а в 1937 г. — 35 (Расчет по данным из: Академия наук СССР. Статистические материалы (к 250-летию АН СССР). М.: Статистика, 1974. С. 1-2; Комков Г.Д., Левшин Б.В., Семенов Л.К. Академия наук СССР. М: Наука, 1974. С. 327, 413, 495).

нах, по сути, заново учреждаемых с целью решения задач государственного управления, так и в естественных науках, когда параллельно с новыми академическими институтами создается Государственный Комитет по науке и технике Совета Министров, руководство которого с 1965 г. рекрутируется из администрации Академии наук — тем самым, научная бюрократия вовлекается в планирование и управление всей национальной экономикой¹¹. Окончательный вид это объединение приобретает в начале 1970-х, в Комплексной программе научно-технического прогресса СССР, впервые представленной в 1973 г., а в 1979 утвержденной в качестве обязательного этапа составления государственного плана, в котором участвуют институты как естественнонаучного, так и гуманитарного профиля.

Порождением такого специфического, неразрывно научного и политического, институционального пространства становится серия оппозиций, общих для разных дисциплин и связанных в единый пучок политическим смыслом, приписываемом их полюсам. Таковы, в частности, «практика»/«теория», «материализм»/«идеализм», «детерминизм»/«индетерминизм», «коллектив»/«индивид», — первый полюс которых обладает политическим смыслом «классового» и «советского», тогда как второй — «буржуазного» и «враждебного». В эту систему вовлечено и понятие «личности», где с конца 1920-х до конца 1950-х оно занимает периферийное положение, во многом заданное отрицательной ценностью «индивидуального» и «индивидуализма». Но в позднесоветский период, когда политическая связь между всеми этими оппозициями утрачивает былую прозрачность, с удивительной настойчивостью они воспроизводятся именно потому, что носители различных моделей научной и политической организации в этом едином пространстве государственной бюрократии пользуются ими, ставя под вопрос существующие институциональные структуры. Иными словами, использование этих «вечных» понятий в политической борьбе разных периодов, парадоксальным образом, направлено в большей мере не на консервацию, а на изменение баланса сил.

¹¹ Ключевые элементы этой динамики представлены в неопубликованной диссертации: Бикбов А.Т. Институциональная и смысловая структуры российской государственной научной политики 1990-х гг. М.: 2003. Гл. 2.

«Личность» как функция «потребления»

Понятие «личности» получает новое место в этом поверхностно «неподвижном» контексте с конца 1950-х, в результате разрешившегося напряжения, полюса которого обозначены максимально негативной ценностью контекста «культы личности» (из специального доклада на XX съезде КПСС 1956 г.) и позитивной ценностью контекста «всестороннего развития человеческой личности» при социализме (из пленарного доклада на XXI съезде 1959 г.). И хотя для советской официальной риторики совершенно нехарактерны прямое отрицание или радикальный пересмотр самих принципов режима, новое прочтение «личности» формируется в ходе инверсии целого ряда базовых очевидностей официальной риторики 1930-50-х.

Прежде всего, инверсия заключена в *демилитаризации* базового смыслового горизонта политического режима — определения «социализма»: «В современных условиях переход к социализму не обязательно связан с гражданской войной»¹²; признается «возможность мирного пути перехода к социализму»¹³, а государство «диктатуры пролетариата» официально переопределяется как «общенародное государство»¹⁴. Каноническую форму эта демилитаризация приобретает в программе КПСС 1961 г.: «Социализм и мир нераздельны»¹⁵, — темы «дружбы» и «сотрудничества» окончательно занимают место тем «классовой борьбы» и «войны». Отказ от классовой борьбы внутри СССР в конце 1950-х становится частью той же символической инверсии, что и положение о «мирном сосуществовании стран с различным общественным строем», провозглашенное основой внешнеполитического курса.

¹² Положение из решений XX съезда КПСС 1956 г. приводится по: История коммунистической партии Советского Союза. М.: Политиздат, 1971. С. 574.

¹³ Там же, с. 575.

¹⁴ Положение из Программы КПСС 1961 г. приводится по: История коммунистической партии Советского Союза, с. 618.

¹⁵ Хрестоматия по истории КПСС, цит. соч., с. 510. Это определение через «мир» актуального «социализма» продлевается в определении утопической перспективы «коммунизма»: «Уничтожить войны, утвердить вечный мир на земле — историческая миссия коммунизма» (там же, с. 542).

Другая инверсия, происходящая параллельно с демилитаризацией официальной риторики, состоит в изменении места «науки» в системе политических категорий, одновременно с превращением «экономики» в основную область соотнесения и противостояния между двумя политическими системами. Это изменение можно было бы рассматривать как побочный эффект, если не учитывать место, постепенно занимаемое понятиями «экономики» и «науки» в определении «социализма», которое формируется, с одной стороны, в рамках дальнейшей проблематизации экономического роста, основанном на прогрессе науки и техники, с другой, в рамках прямого переноса СССР в международную систему координат через задачу экономического (а не военного) состязания — «догнать и перегнать наиболее развитые капиталистические страны *по производству продукции на душу населения*» [курсив мой — А.Б.].

Иерархические отношения между «наукой» с одной стороны, «техникой» и «производством» с другой, где первая подчинена последним, сохраняются до конца 1950-х и даже начала 1960-х, пока приоритетным остается развитие «в первую очередь тяжелой индустрии» и «значение непрерывного технического прогресса для роста всего промышленного производства»¹⁶. Однако в середине 1960-х определяющее отношение между «техникой» и «наукой» с одной стороны и «благосостоянием» и даже «культурой» с другой преломляется в новой категории «научно-технического прогресса». Вслед за подъемом Академии наук в государственной иерархии, «наука» начинает претендовать на роль цивилизационного фактора: «Воздействие науки на производство и влияние ее на все стороны жизни народа неизмеримо возрастают»¹⁷. Эталонный вид эта формула приобретает в обширной литературе о социальных последствиях научно-технического прогресса:

¹⁶ Решения XX съезда, 1956 г. В этом смысле, контекст понятия «наука» мало отличается от сталинского «совершенствования социалистического производства на базе высшей техники» (Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР, цит. соч.). В сборнике под редакцией председателя Гостехники, в 1950-53 гг. министра транспортного машиностроения «технический прогресс» также выступает общим названием для усовершенствования машин, введения новой техники, ускорения темпов производства и т.п. (Технический прогресс в СССР, 1959-1965 гг. /Под общ. ред. Ю.Е. Максарева. М.: Госпланиздат, 1960).

¹⁷ О государственном плане развития народного хозяйства СССР на 1965 г. Доклад А.Н. Косыгина на пятой сессии Верховного Совета СССР// Хрестоматия по истории КПСС, указ. соч., с. 702. Примечательно, что это выступление принадлежит Косыгину, который для разработки программы экономических реформ фактически вводит при правительстве институт академических экспертов.

«Научно-техническая революция превращает науку в активно действующий элемент современной материальной и духовной культуры. Она не только изменила характер производственных процессов, но и оказывает все возрастающее влияние на совершенствование общественных отношений людей»¹⁸. Ранее нейтральная и технически определяемая «наука» уже не просто способствует росту производительности труда, но *напрямую* воздействует на социальный и моральный порядок.

Как эти тематические сдвиги сказываются на контексте, в котором получает смысл понятие «личность»? Новые категории, такие как «мирное сосуществование», «непрерывный экономический рост» или «научно-технический прогресс», которые размещаются в центре официальных классификаций, перестраивают содержательные и иерархические отношения между элементами прежней символической структуры, а некоторые прежде ключевые понятия попросту выпадают из категориальной системы советской официальной политики и научных дисциплин.

Наиболее осязаемых результатов эта серия сдвигов достигает в 1970-е гг., в тематическом горизонте «всестороннего развития личности»¹⁹, которое напрямую замыкается на «строительство коммунизма»²⁰. Однако уже в конце 1950-х можно наблюдать принципиальное переключение, связанное переводом базового различия между «социализмом» и «капитализмом» в *экономический*

¹⁸ Трапезников С. Ленинизм и современная научно-техническая революция// Научно-техническая революция и социальный прогресс. М.: Политиздат, 1972. С. 11. В программе КПСС 1961 г. влияние понятие «науки» уже имеет большую ценность, будучи включено в базовое определение коммунизма, но она все еще подчиняется росту производительности: «Вырастут и производительные силы на основе постоянно развивающейся науки и техники, все источники общественного богатства польются полным потоком» (цит. по: История КПСС, цит. соч., с. 615). Отличие между этими формулами состоит не только в иерархическом ранге, приписываемом «науке», но и в самих схемах воображаемого, в которые включено понятие.

¹⁹ Заданный в программе КПСС 1961 г., где цель партии прямо формулируется в терминах калагогии: «Обеспечить всестороннее гармоничное развитие личности, сочетающей в себе духовное богатство, моральную чистоту, физическое совершенство» (История КПСС, цит. соч., с. 619).

²⁰ Уже в начале 1960-х в названиях пропагандистских лекций «личность» закрепляется в смысловом горизонте «коммунизма»: Ефимова З.М. Строительство коммунизма и всестороннее развитие личности. Ижевск: Знание, 1961; Кряжев П.Е. Общество и личность. М.: Мысль, 1961; Даутов Т. Коммунизм и всестороннее развитие личности. Алма-Ата, Казгосиздат, 1963; Коммунизм и личность. М.: Наука, 1964; и т.д.

регистр²¹: основным предметом состязания режимов, наряду с производством и обществом в целом, становится *индивид*. Это переключение заметнее всего представлено сменой элемента «Х» в контекстах-реле вида «всестороннее развитие Х» и «удовлетворение потребностей Х», которые почти канонически воспроизводятся по меньшей мере с начала 1950-х. Так, если в образцовой сталинской работе, посвященной экономическим вопросам, в контексте «удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей» фигурируют понятия «общества» и гораздо реже — «человека»²², то в хрущевских речах в тех же контекстах место «общества», наряду с «человеком» занимают категории «личного» и «индивидуального»: «удовлетворение личных материальных и культурных потребностей», «удовлетворение индивидуальных запросов каждого человека», «работа на человека для удовлетворения его потребностей»²³. В рамках еще более общей темы «развития», столь же канонически воспроизводимой в официальной риторике на протяжении 1950-80-х, происходит аналогичное переключение: в начале 1950-х речь идет о «всестороннем развитии физических и умственных способностей всех членов общества»²⁴, в конце 1950-х – начале 1960-х — о «всесторонне развитой экономике», «всестороннем развитии людей»²⁵, но также о «всестороннем развитии человеческой личности в условиях коллектива»²⁶.

Начиная с выступлений Н.Хрущева конца 1950-х гг. и раздела «Задачи Партии в области подъема материального благосостояния народа» в программе КПСС 1961 г. официальная экономическая риторика представляет собой непрерывно расширяющуюся и рационализируемую классификацию сферы «личных потребностей». Основные черты этой классификации представлены уже в программных пунктах, которые отдают приоритет «быту» и понятиям, ранее нахо-

²¹ «В условиях мирного сосуществования социалистические страны быстрыми темпами развивают свою экономику, все полнее раскрывают свои преимущества перед капитализмом» (Правда, 12 августа 1960. С. 3).

²² Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР, цит. соч.

²³ Доклад товарища Н.С. Хрущева на Внеочередном XXI съезде КПСС// Правда, 28 января 1959 г. С. 5.

²⁴ Директивы XIX съезда КПСС, цит. по: Правда, 5 марта 1953. С. 3.

²⁵ Программа КПСС [1961 г.]// Хрестоматия по истории КПСС. Т. 2. С. 566.

²⁶ Доклад товарища Н.С. Хрущева на Внеочередном XXI съезде КПСС, цит. соч., с. 5.

дившихся под подозрением в «мелкобуржуазности»: «Обеспечение высокого уровня доходов и потребления для всего населения. Развитие торговли», «Разрешение жилищной проблемы и благоустройство быта», «Забота о здоровье и увеличение продолжительности жизни», «Улучшение бытовых условий семьи и положение женщины»²⁷. Если сталинская риторика ограничена указанием на необходимость «улучшения в материальном положении и во всем быту трудящихся»²⁸, а «потребитель» прямо замкнут на «производство», выступая почти напрямую эпифеноменом такового²⁹, то в позднейших текстах за «потребностями» контекстуально закрепляется *автономный статус*. Имплицировано утвержденная в программе КПСС 1961 г., такая автономия потребностей представляет собой радикальный по последствиям, хотя и мягкий по форме разрыв с аскетической риторикой потребления сталинского периода. Достаточно сопоставить цель «поднять бедноту до зажиточной жизни»³⁰ с обширными периодами из Программы КПСС: «Все население получит возможность удовлетворять в достатке свои потребности в высококачественном и разнообразном питании... В достатке будут удовлетворяться потребности всех слоев населения в высококачественных товарах широкого потребления: добротной и красивой одежде, обуви, вещах, улучшающих и украшающих быт советских людей, — удобной современной мебели, усовершенствованных предметах домашнего обихода... Своевременный выпуск товаров в соответствии с многообразными запросами населения... обязательное требование ко всем отраслям, производящим предметы потребления»³¹.

Десятилетием позже это признание автономии индивидуальных потребностей приобретет и вовсе шокирующую форму с точки зрения истин 1930-50-х, будучи доведено до *вкусов и настроений*: «Надо серьезно улучшить работу всех отраслей сферы услуг — общественного питания, пошива одежды, всевозможного ремонта, организации отдыха трудящихся. Это не просто отрасли, при-

²⁷ Программа КПСС [1961 г.], цит. соч., с. 566-574.

²⁸ Сталин И.В. Отчетный доклад XVII съезду партии, цит. соч., с. 333.

²⁹ Там же, раздел 4.

³⁰ Там же, с. 359.

³¹ Программа КПСС [1961 г.], цит. соч., с. 568-69.

званные выполнять план, а службы, непосредственно имеющие дело с людьми, со всем разнообразием их вкусов, с человеческим настроением»³². Именно такая автономизация потребителя, хотя и не тематизируемая напрямую посредством понятия «личности», представляет собой необъявленную символическую революцию, которая через новый режим потребления фактически формирует в горизонте «социализма» зону персональности, наделенную буржуазными чертами.

Другим не вполне очевидным, но оттого не менее значимым в этой перспективе переключением становится определение «личности» в контексте «свободного времени». Примечательно уже то, что сама по себе тема «свободного времени» легитимно отделяется от темы «производства»³³ и получает, по умолчанию, статус независимого фактора «социалистического образа жизни» и «строительства коммунизма». Однако еще более показательным, что в едином пространстве эмпирических показателей и официальной догматики «свободное время» фигурирует как непосредственное *условие* «развития личности», тем самым представляя собой параллельную или конкурирующую детерминанту даже в процессе воспитания «нового человека» — досуг в противовес труду³⁴. Такая автономизация досуга «личности» вместе с автономизацией сферы ее «потребления» представляет собой решающий сдвиг от аскетической модели индивидуальности мобилизованного общества к смягченной и нюансированной модели индивидуальности, распоряжающегося ассортиментом материальных благ, произ-

³² Брежнев Л.И. Отчетный доклад ЦК КПСС XXIV съезду КПСС. М.: Госполитиздат, 1971. С. 95.

³³ Темы «труда» и «производства» оформляются в независимую ячейку официальной классификации, в отличие от темы «свободного времени» тяготеющую к полюсу пропагандистских лекций и диссертаций по историческому материализму: Иссинская Н.П., Горбачев Д.М. Всестороннее и гармоничное развитие личности в труде. Смоленск: Смоленское книжное изд-во, 1962; Лутидзе Б.И. Творческий труд — основа всестороннего развития личности. Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1964; Логанов И.И. Коммунистический труд и всестороннее развитие личности. М.: Знание, 1965; Калинин А.И. Разделение труда и всестороннее развитие личности в условиях строительства коммунизма. Чебоксары: Знание, 1967 и т.д.

³⁴ Мялкин А.В. Свободное время и всесторонне развитая личность. М.: Изд-во ВППШ и АОН, 1962; Бойков В.Г. Свободное время и всесторонне развитая личность. М.: Мысль, 1965; Земцов А.А. Свободное время и его рациональное использование для всестороннего развития личности рабочего. М.: Мысль, 1965; Зайниев Н. Свободное время как фактор развития личности. Душанбе: Ирфон, 1966 и т.д. А также целый ряд диссертаций, в которых иные, ранее подозрительные темы, такие как «быт», выступают определяющим контекстом «личности»: Литвинов Л.Н. Диалектика труда и быта как факторы формирования новой личности (М., 1973) и т.д.

водственным временем, качеством товаров и услуг. Тем самым, неосвященным субъектом новой политической риторики является уже не общество, преобразующее материю в коллективный ресурс первичных благ, но индивиды, погружающиеся в область все более различного непринудительного («бытового») потребления. То есть, в конечном счете, «личности» — в контекстуально допущенном процессе обуржуазивания, который происходит за риторическим фасадом по-прежнему строгого «коммунистического воспитания».

Официальные классификации: от «масс» — к «личности»

Одним из центральных понятий, оказывающих непосредственное влияние на контекст «личности», является понятие «массы». В раннем тексте Сталин ясно определяет его политический смысл и ценность, которая, в целом, остается высокой во всех перипетиях 1920-80-х: «Краеугольным... камнем марксизма является масса, освобождение которой... является главным условием освобождения личности... Ввиду чего его лозунг: "Все для массы!"»³⁵. Господствующая в риторике 1920-50-х гг. категория представлена с удивительной вариативностью: «рабочие и крестьянские массы», «широкие массы», «бедняцко-средняцкие массы», «мелкобуржуазная масса», «огромные массы», «массы советских людей», «угнетенные массы», «революционные массы», «рабочие массы», «партийные массы», «беспартийные массы», «пролетарская масса», «новые массы», «простые и обыкновенные массы», «миллионные массы», «порабощенные массы», «неимущие массы», «кооперативные массы», «наши массы» и т.д. В конце 1930-х – начале 1950-х она надстраивается до связки «гениального вождя» и «широких масс», которая становится парадигматическим определением всего периода «культы личности». Воспроизведение этой категории в сталинской риторике, в сопровождении формул мобилизации против многочисленных внешних и внутренних противников, становится средством непрерывного ритуально-

³⁵ Сталин И.В. Анархизм или социализм?// Сочинения. М.: Госполитиздат, 1946. Т. 1. С. 296.

го возврата к первым годам Советской власти и ресурсом поддержания энергичной патетики «борьбы» против всех возможных «пережитков», «врагов» и т.д.³⁶

Критика вождизма конца 1950-х, которая предстает исключительным политическим событием, и вытекающий из нее разрыв связи между понятием «массы», сохраняющим положительную ценность, и отчетливо негативным понятием «вождя», на деле хорошо вписываются в формулу «полной и окончательной победы социализма», т.е. уже окончательно найденного места нового правящего слоя в обеспеченном им социальном порядке. Оставаясь в официальном обороте на протяжении 1960-80-х гг. и даже сохраняя количественный и ценностный перевес в сравнении с «личностью»³⁷, понятие «массы» утрачивает активное свойство, будучи сведено в конце 1950-х почти исключительно к трем полустертым по своему мобилизующему эффекту, взаимозаменяемым и взаимосочетаемым, связкам: «народные массы», «массы трудящихся» и «широкие массы». Сокращение вариативности понятия «массы», которое вписано в реформу всей категориальной системы, словно освобождает место для «личности», сразу занимающей место «масс» в т.ч. в контексте «воспитание X». Если риторика хрущевских выступлений и докладов с этой точки зрения предстает переходной — понятие «массы», остается одной из ключевых категорий, означающих население Советского Союза, — то в брежневских докладах «массы» существенно маргинализируются в ряду, составленном понятиями «трудящиеся», «народ», «граждане», «население», «люди»³⁸.

³⁶ Согласно остроумному наблюдению К. Мангейма, политические деятели, которые оперируют оппозицией «великий вождь/массы», еще не нашли своего социального места и рассчитывают занять господствующие позиции путем смены прежних элит (Мангейм К. Идеология и утопия /Пер. с нем. М.И. Левиной// Манхейм К. Диагноз нашего времени — М.: Юрист, 1994. С. 122). Это оппозиция, маркирующая попытку или *начало* нового политического правления.

³⁷ Не только в экономическом контексте. Например, при разъяснении нового политического курса в связи с обострением советско-китайских отношений в 1963 г. понятие «личность» употребляется только в негативном контексте «культ личности», тогда как понятие «масс» активно используется как позитивно нагруженный синоним «советского народа» (Открытое письмо ЦК КПСС партийным организациям, всем коммунистам Советского Союза// Правда, 14 июля 1963).

³⁸ Напр.: Брежнев Л.И. Отчетный доклад ЦК КПСС XXIV съезду КПСС, цит. соч.

Наконец, несмотря на то, что именно «народ», а не «личность» признается «решающей силой строительства коммунизма»³⁹, ряд основополагающих тематических сдвигов, а также прямая конкуренция «X»-элемента «личности» с «обществом» и «массами» в разделах, посвященных образованию и культуре, представляет собой ощутимый, хотя и не объявленный явно пересмотр политических истин предшествующего периода. Помимо прочего, серия сдвигов реализуется в таких еретических конструкциях, как «сочетание личных интересов с государственными»⁴⁰, которая не задает явной иерархии и, тем самым, снова утверждает автономию «личных интересов» в значении, вписанном в контекст «потребления». В результате, придание ценности «индивиду» и «личности» и их опосредованная связь с «народным благосостоянием» в официальных классификациях сопровождается целым рядом ближайших и отдаленных эффектов, которые на протяжении 1970-х складываются в новую смысловую структуру, связывающую уже не «общество», «народ» и «людей», а «общество», «личность» и «человека»: «Достаточная материальная обеспеченность, личная и общественная перспектива способствуют у нас творческому развитию личности, удовлетворению постоянно растущих материальных и духовных потребностей человека»⁴¹.

В исходном виде эти сдвиги, происходящие в символической системе «социализма», которая подвергается стремительной демилитаризации и индивидуализирующему переопределению в терминах «благоустройства быта» и «удовлетворения запросов», намечены уже в конце 1950-х – начале 1960-х гг. Не столько в рамках темы «воспитания», сколько в горизонте «потребностей» и «потребления» рождается «новая личность», стремительно и наперекор политическим императивам приобретающая (мелко)буржуазные черты в условиях «мирного сосуществования». Что, в конечном счете, становится одной из основ для приговора этому политическому курсу с позиций революционной ортодок-

³⁹ Программа КПСС [1961 г.], цит. соч., с. 605.

⁴⁰ История КПСС, цит. соч., с. 617.

⁴¹ Материалы XXV съезда КПСС. М: Политиздат, 1976. С. 78.

сии: «Американский империализм и его пособник — советский современный ревизионизм»⁴².

Новые социальные дисциплины: между «коллективом» и «личностью»

Превращаясь в 1960-е гг. из вспомогательного и периферийного термина в одну из категорий государственного воображаемого, понятие «личность» становится структурирующим основанием для целого ряда дискурсов, не исключая гражданское и уголовное право. «Всестороннее развитие человеческой личности в условиях коллектива» как определяющая характеристика социализма из речи Н.Хрущева⁴³ профилируется в разнообразии контекстов, от «типологических особенностей личности рабочего» из первых обширных исследований по социологии⁴⁴, до «уважения к личности осужденных» в учебнике по уголовному праву⁴⁵. При этом, в отличие от понятия «технический прогресс», которое на рубеже 1950-60-х гг. также претерпевает осязаемый смысловой сдвиг, будучи переведено в совершенно новую категорию «научно-технический прогресс» (также превращенную в строку государственного бюджета), понятие «личность» не попадает в основание категориальной сетки государственной статистики. В складывающейся системе разделения символического труда это понятие очерчивает сферу компетенции новых наук — социологии и психологии, во многом оставаясь знаком их повторного рождения и особого положения в пространстве дисциплин.

Этот знак так же ясно маркирует новизну ряда научных направлений, как их генетическую связь с обширным сдвигом в политических классификациях в сравнении с предшествующим периодом. В ходе философских и научных столк-

⁴² Мао Цзэдун. Народная армия непобедима (Передовая статья газеты «Жэньминь жибао» от 1 августа 1969 г.). Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 1969.

⁴³ Доклад товарища Н.С. Хрущева на Внеочередном XXI съезде Коммунистической партии Советского союза.// Правда, 28 января 1959 г., с. 5.

⁴⁴ Человек и его работа /под ред. А.Г. Здравомыслова, В.П. Рожина, В.А. Ядова. М: Мысль, 1967.

⁴⁵ Исправительно-трудовое право. Учебник для юридических факультетов. М.: Изд-во юридической литературы, 1966.

новений конца 1920-х гг. статусом субъекта — в противовес «идеалистическому» (и буржуазному) индивидуалистическому пониманию — наделяется коллектив. Исход этих символических битв на территории социальных/гуманитарных наук особенно явствен в психологии, где условием сохранения «личности» как дисциплинообразующего понятия становится уход от подозрений в «идеализме» через ее переподчинение коллективу и социальному окружению⁴⁶. В Психологическом институте, созданном при Московском университете в 1912 г. под знаком «субъективной психологии», первый год работы прямо определяется темой «личности»⁴⁷. Уже в 1921-24 гг. итогом реорганизаций становится институционализация направлений, среди которых «личность» остается скрытым тематическим основанием лишь в последнем: общая психология, психопатология, социальная психология, психотехника, зоопсихология, детская психология (где изучается «личность ребенка»), — а приоритетным проектом выступает подготовка сборника работ «Психология и марксизм»⁴⁸. Подобная реорганизация становится условием существования дисциплины при господстве «классового подхода», который приписывает «индивидуализму» весомую негативную ценность: «Эмпирическая психология есть идеологический сколок с породившей ее эпохи индивидуализма»⁴⁹. У Л.Выготского, С.Рубинштейна, А.Леонтьева, Б.Ананьева и ряда других авторов, активных уже в 1930-50-е гг. и впоследствии зачисленных в основатели одновременно «деятельностного подхода» и «психологии личности», определения «деятельности» и «личности» формулируются в политически прозрачных терминах «общественных отношений», «влияния среды» и т.д. В первом номере «Вопросов психологии» (1955), который призван дать панораму основных направлений в СССР, в оглавлении статей еще

⁴⁶ Реконструкция отдельных моментов психологической полемики производится в: Graham L. Science, Philosophy, and Human Behavior in the Soviet Union. New York: Columbia University Press, 1987.

⁴⁷ www.pirao.ru/strukt/istoria/histor_b.html

⁴⁸ Вахромов Е.Е. Разработка теории личности в отечественной науке первой трети XX века (www.vakhromov.narod.ru/doc/school_piaro.htm).

⁴⁹ Озвученная в ходе борьбы между сторонниками «эмпирической» и «марксистской» психологии, эта позиция представлена в целом ряде других внутри- и междисциплинарных дискуссий 1920-30-х гг. Подробнее история Психологического института представлена на его сайте (www.pirao.ru/strukt/istoria/histor_b.html).

ни разу не упоминается термин «личность», а основным тематическим горизонтом по-прежнему выступает «высшая нервная деятельность»⁵⁰.

Хронологическим рубежом превращения «личности» в ключевую тему новых дисциплин становится именно конец 1950-х – начало 1960-х гг, поначалу при посредстве переводных работ и рефератов по «западной» социологии и психологии⁵¹, затем — в текстах советских авторов, популяризирующих «западные» методы, и во внутрисоветских дискуссиях. В свою очередь, «всестороннее развитие личности» напрямую переносится в научные программы и планы. Такова, например, программа 15-летнего развития Психологического института, поданная в Президиум Академии педагогических наук в 1960 г., где «Психологические проблемы всестороннего развития личности» фигурируют в качестве первого направления, вслед за которым корректируются и тематические рамки ранее господствовавшей «объективной психологии» — «Физиологические основы психических процессов и психических свойств личности»⁵².

С конца 1950-х, прежде всего у недавно вошедших в профессиональную науку исследователей, понятие «личности» прямо появляется в заглавиях текстов⁵³, а в самих текстах имплицитная модель «личности» — индивид, опреде-

⁵⁰ Вот список статей этого номера: С.Л. Рубинштейн «Вопросы психологической теории», Г.С. Костюк «К вопросу о психологических закономерностях», А.Н. Леонтьев «Природа и формирование психических свойств и процессов человека», Б.М. Теплов «Учение о типах высшей нервной деятельности и психология», А.В. Запорожец «Развитие произвольных движений», Э.А. Асратян «Переключение в условно-рефлекторной деятельности как особая форма ее изменчивости», Е.Н. Соколов «Высшая нервная деятельность и проблема восприятия», Б.Г. Ананьев «Труд как важнейшее условие развития чувствительности», А.Р. Лурия «Роль слова в формировании временных связей у человека», Н.А. Менчинская «Некоторые вопросы психологии применения учащимися знаний на практике», Л.И. Божович «Особенности самосознания у подростков».

⁵¹ Свидетели и непосредственные участники этого понятийного трансфера упоминают, в частности, работы: Морено Дж. Социометрия: Экспериментальный метод и наука об обществе. М., 1958; Беккер Г., Босков А. Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении. М.: Прогресс, 1961.

⁵² Список направлений приводится на странице истории Института: www.pirao.ru/strukt/istoria/histor_b.html.

⁵³ Напр.: Фортунатов Г.А. и Петровский А.В. Проблема потребностей в психологии личности// Вопросы философии, № 4, 1956; Чхартисвили Ш.Н. Место потребности и воли в психологии личности// Вопросы психологии, № 2, 1958; Вопросы психологии личности /Под ред. Е.И. Игнатьева. М.: Изд-во МГУ, 1960; Социология в СССР /Под ред. Г.В.Осипова. М.: Мысль, 1965. Т.1. (статьи раздела «Группа и личность»); Кряжев П.Е. О диалектике общения и обособлении личности в обществе// Диалектика материальной и духовной жизни общества. М., 1966; Кон И. С. Социология личности. М.: Политиздат, 1967; Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте. М.: Просвещение, 1968; Замошкин Ю.А., Жилина Л.Н.,

ляющийся в поведении из собственных мотивов и потребностей. Иными словами, во вновь формирующемся дисциплинарном пространстве психологии и социологии за «личностью» признается та же частичная *автономия*, которая неявно закрепляется за «потребителем» в политических классификациях. Эти работы, в частности, «Социология личности» И.Кона, получают наиболее обширный публичный резонанс, поскольку именно их воспринимают как продолжение символической революции «оттепели»: «С подачи... Игоря Семеновича Кона мы узнали о существовании науки социологии и о том, что личность важнее государства. Это было началом нашего интеллектуального повзреления»⁵⁴. Та же инверсия производится в программных работах по психологии, где «личность» и «личностное» определяется как автономный источник социальной динамики: «Не только ролевой комплекс оказывает воздействие на личностные качества индивида, но есть и обратный процесс: психологические особенности человека существенно влияют на его статус, на выбор его социальных ролей и на их реализацию»⁵⁵.

В 1960-х – начале 1970-х гг. производится и более общая и обширная институционализация нового тематического направления: проводятся специализированные психологические симпозиумы («Вопросы психологии личности и деятельности», 1966; «Проблемы личности», 1968, 1970), в конечном счете, в форме университетских кафедр институционализируется парадоксальное направление «психология личности», а не менее парадоксальное «социология личности» превращается в категорию библиографического классификатора и подразделение академического Института конкретных социальных исследований⁵⁶. Институционализация этих направлений происходит параллельно с «социальной психологией», которая также тематизирует «личность» — на сей раз «личность в группе»⁵⁷. В целом, «личность» становится доминирующим понятием целого

Фролова И. Т. Сдвиги в массовом потреблении и личность// Вопросы философии. 1969, № 6.
⁵⁴ Крыщук Н. Беседа с И.Коном (www.idelo.ru/292/24.html). Подобные свидетельства весьма многочисленны.
⁵⁵ Кузьмин Е.С. Основы социальной психологии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1967 с. 144.
⁵⁶ В форме сектора социологических проблем личности.
⁵⁷ Андреева Г. Социальная психология// Социология в России /Под ред. В.А.Ядова. М.: Институт социологии РАН, 1998. С. 381.

ряда научных отраслей. А оппозиция «личности»/«коллектива», организующая профессиональное психологическое мышление в СССР, в конечном счете обнаруживает удачный компромисс в понятии «малой группы», равно как в определении предмета новой дисциплины 60-х, социальной психологии, как «науки, изучающей и массовые психические процессы, и положение личности в группе»⁵⁸.

При благоприятной политической конъюнктуре, с ослаблением междисциплинарных позиций консервативного крыла исторического материализма, эти конструкты не только реактивируют и обеспечивают «верное» политическое прочтение понятия «личности». На содержательном уровне за ними тянется целая сеть новых понятий, таких как продвигаемые реформист-социологами «общественное мнение», «индивидуальные потребности» или «склонности» и «мотивация» социальных психологов. Здесь мы имеем дело уже не только с изменением иерархического ранга отдельного понятия и группы вспомогательных терминов, но с изменением всей картины социальной реальности, создаваемой конкурирующими направлениями в социальных и гуманитарных науках.

В рамках новых дисциплин понятие «личности» получает официально подтвержденное существование как полюс, «чисто» методологически, но одновременно латентно политически противостоящий «коллективу». Сама эта оппозиция «личности»/«коллектива», снова приняв форму открытого вопроса, на протяжении 1960-70-х гг. остается местом непрерывного столкновения между реформистскими и консервативными позициями в пространстве социальных дисциплин, где ее политический смысл подкрепляется борьбой прореформистских/консервативных сил в государственной администрации (отделах идеологии и науки ЦК), напрямую воздействующей на положение дел в науке. Те же отношения упорядочивают пространство публикаций, которое формируется вокруг понятия «личность». Раздел литературы по «социологии личности», закрепленный с конца 1960-х в т.ч. в библиографических классификаторах, по числу работ оказывается далеко не столь обширен в сравнении с разделом «воспитание коммунистической личности». Однако авторы, разрабатывающие темы

⁵⁸ Там же, с. 380.

«структуры личности» или «личностных свойств» в рамках эмпирических исследований или при популяризации «западных» разработок, в научном пространстве нередко прямо противостоят авторам работ по «воспитанию коммунистической личности». Открытая трансляция «западного опыта», попытки интегрироваться в международную научную коммуникацию, претензия на профессиональное ведение исследований — признаки научной позиции, легитимность которой восстанавливается символической революцией конца 1950-х гг, в противовес фракции сторонников «классового подхода», одержавших очередную крупную победу в конце 1940-х.

В число новых авторов, занявших «международную» позицию и публикующих на протяжении 1960-70-х работы по теме «личности», попадают ключевые фигуры, вошедшие в социологию в конце 1950-60-х и во многом определившие не только ее канон, но и ее умеренно либеральную политическую позицию: В.Ядов, А.Здравомыслов, И.Кон. К тому же кругу авторов принадлежат психологи, в свою очередь, внесшие вклад в новый облик своей дисциплины и порой активно сотрудничавшие с социологами, такие как Б.Ананьев, А.Бодалев, Г.Андреева, А.Петровский. Рассматривая эту ситуацию пост-фактум, т.е. принимая в расчет сохранение всеми этими учеными ведущих (в т.ч. административных) позиций на протяжении длительного времени, можно констатировать, что направления в социологии и психологии, в 1960-70-е открыто тематизирующие «личность», как и авторы, предлагающие наиболее разработанные способы тематизации, попадают в своих дисциплинах в число доминирующих. Это означает также и то, что понятие «личности» маркирует в позднесоветский период не только новые, но и в собственном смысле дисциплинообразующие направления.

Философские импликации: автономная «личность»

Политический разрыв по линии «личности», который противопоставляет консервативные и реформистские фракции в государственной администрации и социальных науках, не менее ясно обозначен в философии. Если в 1920-50-е гг.,

«классовый подход» в форме диалектического и исторического материализма составляет прямую и доминирующую оппозицию «идеализму», в свою очередь доминировавшему в русской философии конца XIX – начала XX вв., то с начала 1960-х внутри официальных философских институций (Институт философии АН, философский факультет МГУ) возникает новая позиция, постепенно изменяющая структуру всей дисциплины — «история философии». На протяжении 1960-80-х, в сосуществовании и конкуренции на определение предмета философии между историческим материализмом и историей философии (как прежде всего «западной философии»), последняя превращается в привилегированную инстанцию собственно философского *профессионализма*, тем самым негласно, но оттого не менее явно оттесняя исторический материализм, с его устаревающими моральными и политическими принципами, в область *дилетантизма*, который при этом оснащен неоспоримыми административными гарантиями и привилегиями.

Легитимность данного направления оказывается наиболее явным результатом политических реформ, будучи поначалу обоснована нуждой в реферативной работе и компетентной «критике буржуазных теорий», включенных в расширяющуюся активность советских философских инстанций в составе международных конгрессов и конференций⁵⁹. И именно эта суб-дисциплина становится отправной областью для построения «новой» советской философии. Неудивительно, что от лица консервативных представителей исторического материализма в адрес подобных инициатив, балансирующих на тонкой грани между техническим комментарием к текстам «западной философии» и «дальнейшим развитием» основ марксистской ортодоксии, систематически звучат обвинения в «идеализме». В свою очередь, реформистские позиции, представленные, с одной стороны, новыми авторами в новых дисциплинах — социологии и психологии, — с другой стороны, новыми авторами на новой позиции в дисциплинарной структуре философии, находятся если не всегда в отношениях взаимного

⁵⁹ Записка директора ИФ АН СССР П.Н. Федосеева «Об организации научно-реферативной работы по современной зарубежной философии и социологии», 10 июня 1957// Социология и власть 1953-1968 /Под ред. Л.Н. Москвичева. Сб. 1. М.: Academia, 1997. С. 36.

признания и открытого союзничества⁶⁰, то в ситуации политически определенной структурной близости.

Одним из наиболее заметных проявлений этой близости становится перевод ряда психологических и отчасти социологических смыслов «личности» в возвышенный теоретический регистр, т.е. работа по приданию понятию окончательной интеллектуальной, но также социальной ценности. Пик этой работы приходится на вторую половину 1970-х, когда за пределами официально лицензированного и полуанонимного оборота исторического материализма «личность» превращается в предмет публикаций и выступлений «молодых» философов, к тому времени приобретших не только реноме «настоящих» теоретиков в среде коллег, но и вполне официальное признание — в т.ч. в виде должностей на кафедрах и в секторах диалектического и исторического материализма.

Впоследствии часто цитируемый сборник «С чего начинается личность»⁶¹ представляет собой попытку окончательного закрепления в дисциплинарном горизонте понятия, соединяющего — на новом уровне и в форме, облагороженной обращением к «классике западной философии» — элементы официального политического словаря (в рамках очередного возврата к теме «всесторонне и гармонически развитой личности») и тематики новых социальных дисциплин. Так, в статье одного из самых известных, одновременно марксистских и реформистских философов, Э.Ильенкова, помещенной в этом сборнике, основное определение «личность» получает в связи с вопросом о возможности материалистически ориентированной *психологии*. Как и в более ранней работе, где «личность» определяется как «гармоническое сочетание» способностей — в ряду психологических понятий, соединенных с возвышенными эпите-

⁶⁰ Так, в рамках философского факультета еще в конце 1950-х один из неформальных студенческих «клубов» объединял Зиновьева, Щедровицкого, Мамардашвили, Швырева и впоследствии социолога Грушина (Грушин Б.А. Горький вкус невоцеркованности// Российская социология 60-х годов в воспоминаниях и документах /Под ред. Г.С. Батыгина. СПб.: Издательство РХГИ, 1999. С. 207). Официальный семинар сектора теории в Институте конкретных социальных исследований в конце 1960-х, который был продолжен как неофициальный с начала 1970-х гг., посещали наряду с социологами философы Мамардашвили, Пятигорский и Щедровицкий, историки и филологи Аверинцев, Гуревич, Баткин, Иванов (Левада Ю.А. «Научная жизнь — была семинарская жизнь// Российская социология 60-х, с. 85, 93).

⁶¹ С чего начинается личность? /Под ред.Р.И. Косолапова.М.: Политиздат, 1979. 2-е издание — 1984.

тами: «остроаналитический интеллект, ясное сознание, упорнейшая воля, завидное воображение и критическое самосознание»⁶².

Не менее известный «молодой» философ М.Мамардашвили столь же решительно размещает понятие «личности» в высших разделах системы философских категорий, хотя и не возводя его напрямую к психологической систематике, но при этом прямо реагируя на вызов со стороны психологии. В своем докладе (прочитанном в Институте психологии) он производит целую серию облагораживающих сближений: «философия... и личность... [вытекают из особенностей этого] режима, в каком сложилась наша сознательная жизнь, и в каком она только и может воспроизводиться»; «понятие свободы имеет прямое отношение к личности»; «личностное действие» — это действие для которого «нет никаких условных оснований»; «личностное — это всегда трансцендирующее» и т.д.⁶³ В данном случае традиционная философская игра на повышение ценности «чисто» теоретического прочтения понятия также сопровождается прямыми отсылками к психологическим и социологическим исследованиям, в которых «личность» и «я» получает эмпирическое определение.

Отличительной чертой новой философской позиции становится теоретическое обоснование автономии «личности», изоморфное той контекстуальной автономизации «потребления» и «личности», которое ранее происходит в официальной политической риторике и социальных науках. За рамками базовой для позднесоветской философии методологической оппозиции гегельянства/кантианства, авторы сходятся в понимании «личности» и «личного» как самоотношения. В одном случае это автономия, обеспеченная (скорее гегельянски) *новым* социальным порядком: «Подлинная личность, утверждающая себя со всей присущей ей энергией и волей, и становится возможной лишь там... где возникают

⁶² Ильенков Э.В. Становление личности: к итогам научного эксперимента// Коммунист, № 2, 1977. С. 71. На психологический генезис исходных понятий указывает сам автор, когда воспроизводит их в составе «всей совокупности высших психических функций (сознания, воли, интеллекта), увязанной в единство личности» (там же, с. 78).

⁶³ Мамардашвили М.К. Философия и личность (Выступление на Методологическом семинаре сектора философских проблем психологии Института психологии РАН 3 марта 1977 г.)// Человек, № 5, 1994. Часть этих сближений вполне совпадает с выдвинутыми Э.Ильенковым утверждениями, например, «личность и есть лишь там, где есть свобода» (Ильенков Э.В. Так что же такое личность, цит. соч., с. 357).

и утверждают себя новые формы отношений человека к человеку, человека к самому себе»⁶⁴. В другом это моральная автономия, близкая к кантовской свободной причинности: «Самые большие проблемы, перед которыми стоит человек — это те загадки, которые он сам-собой-себе-задан... Личностным вопросом является прежде всего тот, который адресует к себе человек»⁶⁵. Даже в статье «Личность» из Философской энциклопедии содержится прямое утверждение такой самоположенности: «Выполняя множество различных ролей и принадлежа одновременно к различным группам, Л[ичность] не растворяется ни в одной из них, но сохраняет известную автономию»⁶⁶.

Подобные «субстанциалистские» положения и способы выражения невообразимы в ряду вариантов, официально допущенных к публичному озвучению в 1930-е или 1950-е гг. В определении «личности» через обращенность «к себе» завершается работа по ее выведению из четкой обусловленности «коллективом» — от лица той же официально лицензированной философии, которой она была приговорена к «подчинению коллективу» в 1930-е гг. В конце 1970-х, в противовес теме «подчинения», пунктом схождения новых философских определений «личности» становится «свобода». Один из решающих эффектов такой тематизации состоит в том, что «личность» обнаруживается в распаханном и ширящемся пространстве, которое принципиально не является пространством коллектива или социального класса. Это проявляется в разнообразии тематических контекстов, в частности, в теме «расширения сферы взаимоотношений [личности] с другими людьми и вещами»⁶⁷. Или в теме «искусственности и бесосновности в природном смысле слова феномена человека»⁶⁸. Повторный перенос тем субстанциальности, необусловленности и т.п. из горизонта западно-европейской философии в советскую предстает «естественным» шагом в попытках «молодых философов» сконструировать *профессиональные* дисциплинарные образцы. Но этот же «естественный» для внутридисциплинарного

⁶⁴ Ильенков Э.В. Так что же такое личность, цит. соч., с. 355.

⁶⁵ Мамардашвили М.К. Философия и личность, цит. соч.

⁶⁶ Личность// Философская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1970. Т 3.

⁶⁷ Ильенков Э.В. Так что же такое личность, цит. соч., с. 357.

⁶⁸ Мамардашвили М.К. Философия и личность, цит. соч.

состязания шаг не утрачивает хотя и интеллектуально переформулированной, но вполне осязаемой связи с ходом политической игры: утверждение автономной личности противостоит как официальному историческому материализму 1930-50-х, так и консервативной политической риторике, которые сохраняют доктринальное преимущество в административной конъюнктуре «зрелого социализма».

О том, что понятие «личности» попадает в зону максимального напряжения между философским консерватизмом и реформизмом, реактивируя «вечные» политические оппозиции, свидетельствует один из авторов и инициаторов сборника «С чего начинается личность», впоследствии отмечающий, что «проблема личности» размещается «между двумя культурами, настоящими на "коллективизме" и "индивидуализме"»⁶⁹. Столь же явно к сохраняющемуся и «правильно прочитываемому» политическому смыслу «личности» отсылает противопоставление, которое присутствует в самих текстах Э.Ильенкова или М.Мамардашвили. В одном из своих вариантов оно формулируется как прямой вызов историческому материализму, исходящему из ранее официальной павловской психологии: «Сведение... проблемы личности к проблеме исследования морфологии мозга и его функций — это не материализм... а только его неуклюжий эрзац, псевдоматериализм, под маской которого скрывается физиологический идеализм»⁷⁰.

Таким образом, понятие «личности» оказывается ставкой не только в борьбе внутринаучных фракций, но и, более широко, в борьбе между двумя фракциями господствующих классов советского режима: официальной государственной администрации, где в 1970-е гг. победа остается за умеренными консерваторами, и производителей доминирующей (в советском случае, официальной) культуры — философами, учеными, писателями, усматривающих в излишнем согласии с «административной системой» и «массовыми запросами» угрозу собственной профессиональной автономии и символической власти. В этом

⁶⁹ Толстых В.И. Ильенков — формула личности// Драма советской философии. Эвальд Васильевич Ильенков (книга-диалог). М.: ИФРАН, 1997. С. 114.

⁷⁰ Ильенков Э.В. Так что же такое личность, цит. соч., с. 326. В тексте присутствует и прямая критика павловского подхода (с. 350).

смысле, последовательное расширение зон охвата понятием «личность» обозначает не только мягкую доктринальную революцию, но и структурный сдвиг от аскетически-мобилизационных схем социального порядка (включая организацию профессиональных научных сред) к компромиссной форме обуржуазивающегося социализма, в котором культурные производители приобретают все большую профессиональную независимость и со все большим успехом реализуют ставки, характерные для системы разделенного и заново интегрированного символического труда, порождающей в своем предельном виде первичный интеллектуальный рынок.

«Личность» как компромиссное образование

Изоляция «свободного времени» как фактора «образа жизни» и автономизация контекста «потребления», вытеснение «масс» из политического лексикона и расширение реестра индивидуализирующих понятий в государственной экономике, официальное признание индивидуального вкуса и повторное учреждение субстанциализма в советской философии, а также множество сопутствующих тематических смещений — эффекты трансформации символической системы, в которой смысловой центр, представленный понятием «личность», постепенно утрачивает функцию маркера, прежде ясно разграничивавшего две модели социального порядка. Рост ценности понятия «личность» в этой системе свидетельствует о том, что изменения последней далеки от «чисто» риторического прикрытия твердого ядра ортодоксии. Напротив, попытки сохранить политическую преэминентность категориальной системы позднесоветского периода предпринимаются в условиях стремительного и редко вполне осознанного переопределения «социализма» через признаки, приближающие его к раннесоветским определениям «буржуазного». При этом утрата базовыми оппозициями их прежней однозначности и новые связи, возникающие в структуре официальной риторики, социальных наук и философии, получают не только доктринальное выражение, но и вполне осязаемые практические следствия, реализованные,

в частности, в практике государственного управления. Эти формы варьируются от новых категорий государственного бюджета и новых объектов экономического и правового контроля, до, например, учреждения государственной лотереи «Спортлото», первый тираж которой проводится в 1970 г. и которая практически воплощает собой принцип индивидуально направленной случайности (в противовес принципу коллективного планирования), равно как фактическую государственную легитимацию категории «нетрудовые доходы».

Элементы, ассоциированные с буржуазностью, не могут быть исключены из символического порядка, эволюционирующего на протяжении с конца 1950-х до середины 1980-х гг., поскольку политический смысл, которым нагружено понятие «личности», институционализирован во множестве частных форм, от риторики отчетных собраний съездам КПСС до новых научных направлений и библиографических классификаторов. Соседство ранее неустрашимых доктринальных противоположностей в общей институциональной системе служит основой для постоянного напряжения между конкурирующими способами тематизации и фракциями-носителями. Однако это уже не борьба за конечную истину, результатом которой могло бы стать повторное «подчинение личности» или полная девальвация «коллектива», но неизбежное, почти телеологическое, *расширение* зоны компромисса, допускающего существование ранее неприемлемых интеллектуальных и политических позиций. Компромисс положен в основу классификаций не только политических, но и структурно им подобных научных, постоянно лавирующих между политической лояльностью «классового подхода» и растущими требованиями профессиональной нейтральности. В свою очередь, характерная для 1970-80-х гг. неразличимость «западных» теоретических позиций, используемых при построении советских версий социальных наук и философии, напрямую (хотя это и не столь очевидно) воспроизводит ту же символическую модель — политического компромисса как основы для любой типологии.

При всем этом институционализированное примирение политических противоположностей лишь отчасти нейтрализует политический потенциал понятия «личность», включенного в официально допустимые и признанные классифика-

ции. Чем более высок официальный статус классификации, тем более изощренные тематические маневры необходимы для достижения компромисса. Образцы подобного маневрирования при определении понятия «личность» и тематически с ним связанных «свободы», «гуманизма», «воли» и т.д. представлены, в частности, в Философской энциклопедии⁷¹ и в Большой Советской энциклопедии⁷². Попытка обезопасить понятия, подозрительные с точки зрения политической ортодоксии, но уже не устранимые из официально признанной категориальной сети, ставит их в амбивалентные отношения к оппозиции «марксистского»/«буржуазного», порождая дальнейшее *усложнение* символической системы. Более того, определение «личности» в официально приемлемых версиях психологии или философии в целом остается таким компромиссным образованием, которое, с одной стороны, допускает элементы буржуазного порядка, с другой, маскирует то, что может сделать их вполне *узнаваемыми* в качестве таковых.

Анализ социальных контекстов позволяет видеть, что «личность» как понятие с растущей ценностью обнаруживается в тех областях советского символического порядка и тогда, где и когда явно или неявно переопределяется граница между «социализмом» и «буржуазным обществом». В позднесоветский период это понятие выполняет роль маркера, который перестает различать, поскольку оказывается в той зоне политического и, более широко, символического, где происходит конвергенция смыслов, ранее принадлежащих этим двум ясно противопоставленным в советской систематике полюсам. Однако утрата понятием функции различения уже сама по себе выступает отличительным знаком. Именно поэтому в позднесоветском символическом универсуме наиболее разработанные тематизации «личности» являются результатом активности преимущественно мягкой либеральной оппозиции и нового профессионализма.

Политическая история понятия «личность» свидетельствует и о том, что советский режим никогда не являлся монолитной структурой, но совокупностью альтернатив и конкурирующих проектов, связанных в воображаемое

⁷¹ Философская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1970. 5 тт.

⁷² 30-томное издание, выпущенное в 1969 – 1978 гг.

единство прежде всего самой официальной мифологией 1970-х о непрерывном развитии и полной преемственности в отношении исходной модели. Совокупность контекстов, задающих смысл «личности» в 1960-80-е гг., воплощает собой одну из таких альтернатив, точнее, результат соединения по меньшей мере двух конкурирующих проектов. Попытка соединить в горизонте «социализма» модель мобилизационного, милитаристски-аскетического коммунизма с моделью общества устойчиво растущего индивидуализированного потребления сближает — как в «чисто» догматическом, так и в практическом измерениях — «зрелый социализм» с «буржуазным обществом».